

Виктор Пелевин

Вести из Непала

ФТМ

Рассказы Виктора Пелевина

Виктор Пелевин
Вести из Непала

«ФТМ»

1992

Пелевин В. О.

Вести из Непала / В. О. Пелевин — «ФТМ», 1992 — (Рассказы
Виктора Пелевина)

ISBN 978-5-4467-0278-7

ISBN 978-5-4467-0278-7

© Пелевин В. О., 1992
© ФТМ, 1992

Виктор Пелевин Вести из Непала

Когда дверь, к которой Любочку прижала невидимая сила, все же раскрылась, оказалось, что троллейбус уже тронулся и теперь надо прыгать прямо в лужу. Любочка прыгнула, и так неудачно, что забрызгала холодной слякотью полу шубы, а уж на сапоги лучше было просто не смотреть. Выбравшись на узкий тротуар, она оказалась между двумя встречными потоками огромных грузовых машин, ревущих и брызжущих смесью грязи с песком и снегом. Светофора здесь не было, потому что не было перехода, и приходилось ждать, когда в сплошной стене высоких кузовов – железных (ободранных, с грубо приваренными для жесткости ребрами) и деревянных (ничего и не скажешь про них, но страшно, страшно) – появится просвет. Грузовики, без конца шедшие мимо, производили такое гнетущее впечатление, что было даже неясно – чья же тупая и жестокая воля организует перемещение этих заляпанных мазутом страшилищ сквозь серый ноябрьский туман, накрывший весь город. Не очень верилось, что этим занимаются люди.

Наконец в сплошной стене кузовов стали появляться просветы. Любочка прижала пакет к груди и деликатно сошла на дорогу, стараясь наступать на черные пятна асфальта среди студенистой грязи. Напротив желтел длинный забор троллейбусного парка с широкими черными воротами – их обычно запирали к восьми тридцати, но сейчас одна створка была открыта и еще можно было прошмыгнуть.

– Куда идешь-то! – крикнула Любочке задорная баба в оранжевой безрукавке, с ломом в руках стоявшая за воротами. – Не знаешь – опоздавшим вход через проходную! Директор велел.

– Я быстренько, – пробормотала Любочка и попыталась пройти мимо.

– Не пушу тебя, – с улыбкой сказала баба и переместилась в самый центр прохода, – не пушу. Приходи вовремя.

Любочка подняла глаза: баба стояла, прижимая упертый в асфальт лом к боку и сцепив пухлые кисти на животе; большие пальцы ее рук вращались друг вокруг друга, будто она наматывала на них невидимую нить. Улыбалась она так, как советского человека научили в шестидесятые годы – с намеком на то, что все обойдется, – но проход заслоняла всерьез. Справа от нее была будка с фанерным щитом наглядной агитации, где на фоне Евразии обнимались трое – некто под опущенным на лицо черным забралом и со странным оружием в руках, человек с холодным, недобрым взглядом, одетый в белый халат и шапочку, и Бог знает как попавшая в эту компанию девушка в полосатом азиатском наряде. Над щитом была прибита фанерная полоса с надписью:

ВСЯКИЙ ВХОДЯЩИЙ

В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ!

НЕ ЗАБУДЬ НАДЕТЬ СПЕЦОДЕЖДУ!

Любочка повернула и пошла к проходной. Для этого надо было обогнуть угол высоченного дома с покрашенными до третьего этажа окнами – там, говорили, помещался какой-то секретный институт, – а потом идти вдоль желтого забора к серой кирпичной постройке, укра-

шенной вывесками с волшебными словами: «УПТМ», «АСУС» и еще что-то черное на коричневом фоне.

Внутри, в ответвлении коридора, возле окошек касс в тяжелых облаках дыма хохотали шоферы. Любочка через другую дверь вышла в огромный двор парка, уже пустой и похожий на покинутый аэродром. На всем пространстве между циклопическими зданиями боксов и воротами, через которые Любочка пыталась пройти три минуты назад, не было видно никого, кроме высокого мужчины в красном фартуке, с большим широкоскулым лицом. Он держал в мускулистых розовых руках щит с надписью «КРЕПИ ДЕМОКРАТИЮ!» и шагал прямо на Любочку, а неопределенное цветное месиво за его спиной, если приглядеться, оказывалось неисчислимой армией тружеников, среди которых было даже несколько негров. Этот плакат, висевший на одном из боксов, создали в малярном цехе еще весной, и Любочка давно привыкла, что он встречает ее каждое утро. Плакат был устроен умно: текст призыва можно было менять, подвешивая на двух крюках новую фанерку, и сначала там были слова: «КРЕПИ ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ», потом, в период некоторой политической неясности, – «БЕРЕГИ РАБОЧУЮ ЧЕСТЬ», а сейчас, к празднику, повесили новый призыв, которого Любочка еще не видела.

Она дошла до дверей административного корпуса и поднялась на второй этаж, в техотдел, где уже третий год работала инженером по рационализации.

В коридоре, между Доской почета и стендом с фотографиями побывавших в вытрезвителе сотрудников, висело зеркало, и Любочка остановилась поглядеть на себя.

Она была маленькая, в черной синтетической шубке и спортивной шапочке, на которой были вышиты два красных зубца в синей окантовке. Лицо у нее было чуть обезьянье, испуганное от рождения, и когда она улыбалась, было видно, что она делает это с усилием и как бы выполняя то единственное служебное действие, на которое способна.

Расстегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух работяг в ватниках, горячо обсуждавших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что не дай Бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных растрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз. Двадцать восемь лет – это все-таки двадцать восемь лет, и уже не так легко быть порхающей по коридорам девочкой, подобием живого фикуса, на котором отдыхают утомленные крупногабаритными железными предметами мужские взгляды.

Она еще раз улыбнулась в зеркало и потянула на себя дверь с табличкой «Техотдел». Ее стол стоял в углу, у истыканной доски кульмана, и сейчас за ним, глядя прямо ей в глаза, сидел директор парка Шушпанов, похожий на сильно растолстевшего Раймонда Паулса. В руке у него был маленький пестрый флажок, вынутый из старинной китайской вазы, где у Любочки стояли ручки и карандаши. Флажок остался с того дня, когда весь техотдел сняли с работы, чтобы встречать какого-то экзотического президента – тогда всем выдали такие и велели махать при появлении машин. Любочка сохранила его на память из-за какого-то особенно оптимистического глянца. Когда она вошла, Шушпанов так крутанул между пальцев ее амулет, что вместо двух треугольников над его рукой возникло размытое красноватое облако.

– Здравсьте, Любовь Григорьевна! – сказал он в отвратительно галантной манере. – Задерживаетесь?

Любочка в ответ пролепетала что-то про метро, про троллейбус, но Шушпанов ее перебил:

– Ну я же не говорю – опаздываете. Я говорю – задерживаетесь. Понимаю – дела. Парикмахерская там, галантерея...

Вел он себя так, словно и правда говорил что-то приятное, но больше всего ее напугало то, что к ней обращаются на «вы», по имени-отчеству. Это делало все происходящее крайне

двусмысленным, потому что если опаздывала Любочка – это было одно, а если инженер по рационализации Любовь Григорьевна Сухоручко – уже совсем другое.

– Как у вас дела? – спросил Шушпанов.

– Ничего.

– Я про работу говорю. Сколько рацпредложений?

– Нисколько, – ответила Любочка, а потом наморщилась и сказала: – Хотя нет. Приходил Колемасов из жестяного цеха – он там придумал какое-то усовершенствование. К таким большим ножницам – жечь резать. Я еще не оформила.

– Понятно. А в прошлом месяце?

– Было два. Уже выплатили.

– Ага.

Директор положил флажок, соединил возле груди растопыренные пальцы и закатил глаза, шевеля губами и делая вид, что что-то подсчитывает.

– Двадцать рублей. Ну а мы вам сколько платим? – И сам себе ответил: – Сто семьдесят. Итого – сто пятьдесят рублей разницы. Понимаете мою мысль?

Любочка понимала. И не только эту мысль, но и многое другое, чего директор, наверное, вовсе не имел в виду. Ей показалось, что на ней, как лучи прожекторов, скрещиваются взгляды директора, начальника техотдела Шувалова, выглядывающего из маленькой смежной комнаты, превращенной им в кабинет, и всех остальных. И чтобы не стоять неподвижно в самом фокусе садистического интереса трудового коллектива, она повернулась, повесила пакет на вешалку и стала медленно снимать шубу.

– Таким, значит, образом, – сказал директор, – сегодня обойдете все цеха и сообщите мне завтра утром о ваших успехах. Советую, чтобы они были.

Он встал из-за стола, миновал замершую у вешалки Любочку, размахисто и медленно перекрестился на цветную фотографию троллейбуса «ЗиУ-9» в углу и вышел из комнаты.

Ни на кого не глядя, Любочка села на теплый от директорского зада стул (минут десять, наверное, ждал) и полезла в нижний ящик стола. Все в комнате молчали, поглядывая на спрятавшую лицо за тумбой Любочку и стараясь ни в коем случае не показать испытываемого удовольствия, – наоборот, лица сослуживцев изображали неопределенное сострадание пополам с гражданской ответственностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.